

желых переживаний. Признание исчерпывает нравственную проблему, но не психологическую: мир детской игры остается закрытым для взрослых.

Рассказ *«Как я ловил человечков»* (1934) тоже написан от лица ребенка. События в нем развиваются в двух планах — реальном и воображаемом. В реальном мире над мальчиком висит бабушкин запрет: нельзя трогать модель пароходика, которая считается семейной реликвией. В мире воображаемого пароходик становится настоящим кораблем с живой командой.

Я все смотрел на пароходик. Влезал на стул, чтобы лучше видеть. И все больше и больше он мне казался настоящим. И непременно должна дверца в будочке открываться. И наверно, в нем живут человечки, маленькие, как раз по росту пароходика.

Ребенок полностью захвачен преследованием воображаемых человечков. Он изобретает разные способы, чтобы захватить их врасплох, и когда это не удается, в азарте игры ломает пароходик. Чувство глубокого разочарования отягощается сознанием неправимой вины. И это вызывает сочувствие к герою несмотря на то, что речь идет о серьезном проступке. Отказываясь от морализаторства, Житков показывает, что в детской игре раскрываются ценные качества личности ребенка: активность, упорство, смекалка, любознательность.

Действие в обоих рассказах протекает динамично и напряженно. Жизнь ребенка изображается как сплошной поток переживаний и событий. По образному выражению писателя, «детское время идет плотнее, чем в шекспировской драме», и повествование в рассказах Житкова движется в ритме «детского времени».

От лица ребенка написана познавательная книга для дошкольников *«Что я видел»*. Она предваряется авторским пояснением:

Эта книга — о вещах. Писал я ее, имея в виду возраст от трех до шести лет. Читать ее надо ребенку по одной-две главы на раз. Пусть ребенок листает книгу, пусть рассматривает, изучает рисунки. Книжки этой должно хватить на год. Пусть читатель живет в ней и вырастает.

Самой трудной для писателя была задача выстроить повествование от лица четырехлетнего мальчика. Хорошо понимая условность такой формы, Житков видел в ней залог доступности для детского восприятия.

Как это держало меня в масштабе возраста! Всякое чужое возрасту слово торчало и требовало замены. Язык соответствовал кругу понятий и, выходя из языка, я, следовательно, выходил из этого круга. Тут я мог корректировать себя прямо на слуху.

С «масштабом возраста» Житков соизмерял весь познавательный материал, будь то реалии деревенской и городской жизни, факты материальной культуры и техники. Форма детского сказа позволяла писателю переводить все новое и неизвестное на язык знакомых ребенку понятий. Но доступность — это лишь одно из достоинств такого повествования.

Речь маленького Алеши богата яркими сравнениями, неожиданными сопоставлениями. Вот как, к примеру описывается радиобашня:

А совсем далеко — башня. Только она как из тесемочек сделана. Все насквозь видно.

Про холм в гостинице сказано:

Комната большая-большая. Пол блестит, как лед. И очень скользкий. И коврики на полу, как дорожки в саду.

Литературный эксперимент Житкова удался, и по образцу его книги про Алешу Почемучку стали создаваться другие познавательные произведения для маленьких.

Манера детского сказа напоминает о себе и там, где рассказчик — человек взрослый. Историю *«Про слона»* рассказывает моряк дальнего плавания, совершивший на корабле поездку в Индию. Несмотря на то что основное место в рассказе занимает слон, важная роль принадлежит фигуре рассказчика. Хотя он человек взрослый и много повидавший, его восприятие оказывается близким к детскому. Подобно ребенку он стораает от нетерпения, оживая встречи с экзотическим животным («как если бы мне в детстве целый ящик игрушек принесли. И только завтра можно его раскупорить»). По-детски радуется рассказчик осуществлению своей мечты.

Встреча со слонем начинается с описания того, что слон катает маленьких детей. Восторг вызывает то, как бережно и осторожно общается великан с малышами, как разумно он помогает индусам в тяжелых работах и домашнем хозяйстве. Невольно возникает мысль, что «не индус тут хозяин, а слон, слон тут самый главный». Рассказ завершается эпизодом, в котором труд слонов описан как изнуряющая, непосильная работа. Такое отношение к животному вызывает тягостное чувство, омрачающее радость встре-